

Когда из школьной больницы, завывая сиреной, примчалась скорая помощь с врачами и санитарями, несущими носилки, они, увидев открывшуюся перед ними картину, замерли от ужаса.

К счастью, главный врач, прибывший с бригадой, сохранил самообладание. Он растолкал толпу, подошёл к лежащему на земле подростку и, приложив два пальца под его нос, с облегчением выдохнул. Затем он быстро осмотрел его на предмет внутреннего кровотечения или черепно-мозговой травмы.

После осмотра врач махнул рукой санитарам с носилками:

— Пока ничего серьёзного не вижу. Унесите, в больнице разберёмся.

Скорая, воя сиреной, приехала и, воя сиреной, уехала. На белых носилках лежал бледный подросток в белой одежде, с белым цветком в ухе. На первый взгляд можно было подумать, что это не скорая помощь забирает больного, а похоронное бюро увозит покойника на кремацию.

Вместе с ним увезли и плачущего малыша с огромной шишкой на лбу. Непонятно, как родители могли быть такими беспечными и в первый же день набора оставить такого маленького ребёнка без присмотра.

Учитель несколько раз окликнул родителей, и только тогда всхлипывающий малыш признался, что пришёл с няней и охранником, но потерялся. В конце концов, его, несчастного, унесла на руках добрая медсестра.

Фэйфэй, который, кроме того, что вложил в ухо братика белый цветок, всё это время был лишь зрителем, прижался к Линь Сыняню.

— Папа, этого малыша так жалко. Он плакал, а никто не пришёл.

Линь Сынянь погладил Фэйфэя по волосам и, не вдаваясь в подробности, сказал:

— Это потому что его папа с мамой безответственные. Папа так никогда не поступит.

На самом деле, в их кругах это было обычным явлением. Когда ты изо всех сил стремишься к тому, что считаешь самым важным, и отдаёшь этому всю свою энергию, чем-то неизбежно приходится жертвовать.

Деньги и власть, может, и не приносят счастья, но, без сомнения, расширяют возможности его обрести. А чем больше возможностей, тем выше вероятность, что слепая курица наткнётся на

своё зёрнышко.

Поэтому, будь то по собственному желанию или из чувства долга, дети из богатых семей часто растут, испытывая недостаток родительской любви, в отличие от детей из обычных семей.

И во всём городе С не было ребёнка, которому бы не завидовали Фэйфэй, Цуй Юань и Чжан Сяоху.

Потому что их, без исключения, окружала безграничная любовь и забота близких.

Когда скорая с двумя пострадавшими — большим и маленьким — скрылась из виду, Линь Сынянь повернулся и со всей серьёзностью поблагодарил Чу Сяоханя.

Чу Сяохань сначала немного смутился, но потом с достоинством, как взрослый, ответил:

— Я старший брат, я должен защищать Фэйфэя.

Сказав это, он, словно что-то вспомнив, повернулся к Фэйфэю и спросил:

— Фэйфэй, почему ты вложил цветок в ухо тому парню, который упал?

Малыш задумался и неуверенно ответил:

— Цветок красивый? — К сожалению, у Фэйфэя вчера закончились конфеты, и он не мог утешить явно расстроенного братика сладостью. Пришлось заменить её цветком, который показался ему очень красивым.

Потом он добавил:

— Цветок сорвали другие дети и бросили на землю. Фэйфэй не рвал чужие цветы.

Подошедшие Цуй Юань и Лян Ханюй тут же закивали, подтверждая, что Фэйфэй не из тех, кто безжалостно срывает цветы.

— Красивый, но нельзя просто так вкладывать кому-то в ухо или в волосы белый цветок, — с ноткой бессилия в голосе сказал Чу Сяохань и легонько ткнул Фэйфэя пальцем в лоб.

Если бы кто-то вспыльчивый или суеверный увидел это, он бы точно рассердился. Если Фэйфэй сохранит эту привычку, то однажды, когда их не будет рядом, он может попасть в неприятности.

— Почему нельзя? — с недоумением спросил Фэйфэй.

Дома ему не только разрешали вкладывать цветы в волосы, но и с радостью позволили бы устроить на голове у любого члена семьи настоящую цветочную композицию, сопровождая это восторженными возгласами.

То, что Фэйфэй в такой обстановке сохранил свою природную доброту, было настоящим чудом и свидетельством его гениальности.

И вот уже два года эта нелёгкая задача — корректировать поведение малыша — лежала на плечах Чу Сяоханя, когда они были вне дома, и Линь Сыняня с Линь Цзинли, когда они были дома.

Остальные — будь то Цуй Юань, Лян Ханюй, Чжан Сяоху или Линь Гошэн, Линь Госюн, Ян Юйин, Линь Гохун и так далее — были бесполезны. Корректировать? Да они скорее с восторгом размахивали бы флажками, подбадривая его!

Поэтому Чу Сяохань прямо сказал:

— Потому что ты вложил ему не просто белый цветок, а белую хризантему. Белые хризантемы обычно дарят... — он на мгновение замялся, подбирая слова, — тем, кто не дышит. Если подарить их тому, кто дышит, он, очнувшись, рассердится.

Малыш, поняв свою ошибку, серьёзно выслушал и кивнул:

— Фэйфэй запомнил.

Потом он спросил:

— А другие цветы можно дарить?

— Кроме белых хризантем и вообще хризантем, большинство других можно, — ответил Чу Сяохань, делая акцент на белых хризантемах.

Фэйфэй задумчиво кивнул. Он решил, что в следующий раз, когда увидит того братика, заберёт у него эту белую хризантему и заменит её другим цветком.

***

В школьной больнице.

Врачи осмотрели упавшего подростка с ног до головы и, убедившись, что у него нет внутренних повреждений, а обморок вызван лишь сильным волнением и испугом, перевели его в палату.

Школьная больница «Цысин» была скорее похожа на полноценную клинику. Палаты в ней были как роскошные одноместные номера в отеле.

Ведь ученики этой школы — все как один, маленькие принцы. После осмотра одна из медсестёр, сняв с уха подростка белую хризантему, снова аккуратно вложила её на место, стараясь сохранить прежний угол наклона.

В этом мире, где радость стала редкостью, у людей бывают странные причуды. Медсестра приехала поздно и не видела, как Фэйфэй вложил цветок, а просто подумала, что это какая-то странная привычка спящего подростка.

Чтобы не усугублять состояние и без того хрупкого ребёнка в переходном периоде, заботливая медсестра постаралась всё сделать как можно аккуратнее.

Вскоре в палату и соседнюю палату ворвались родители, двоюродный брат упавшего подростка и мать пострадавшего ребёнка.

В палате, где лежал подросток, его родители выглядели подавленными и смирившимися с судьбой. Рядом с ними стоял его двоюродный брат, который только год назад успешно пережил переходный период и теперь пришёл, чтобы поделиться своим опытом и поддержать брата.

Увидев своего двоюродного брата, мирно спящего на кровати, он пришёл в ярость. А когда заметил в его ухе белую хризантему, его гнев вспыхнул с новой силой. Убедившись, что с братом всё в порядке и он просто потерял сознание от волнения, вспыльчивый брат, не церемонясь, перекинул ногу через кровать и принялся хлопать его по щекам.

Бледное лицо подростка от этих шлепков быстро порозовело и засияло здоровьем.

От шлепков подросток постепенно пришёл в себя. В тумане он смутно помнил, что последним, что он видел перед тем, как потерять сознание, был какой-то малыш, который протягивал к его голове что-то белое.

Окончательно очнувшись, он увидел обеспокоенных родителей и невозмутимо сидящего в кресле двоюродного брата.

Он с недоумением дотронулся до щеки, тихо застонал и пробормотал:

— Странно, почему у меня так болит лицо?

— Наверное, ударился, когда падал, — утешил его брат. — Ничего страшного, просто опухло, не изуродовался.

Лежащий на кровати подросток выглядел подавленным, его взгляд был устремлён в никуда.

— Какая разница, изуродовался я или нет? Если бы я мог обменять эту бессмысленную, пусть и красивую, внешность на свою радость, я бы согласился стать самым уродливым человеком на свете.

Родители молчали. Двоюродный брат, закинув ногу на ногу, чистил банан.

— Мечтай. Если бы такое было возможно, я бы первый в очереди стоял, тебе бы не досталось. Будешь банан? Твой любимый.

Подросток с отвращением отвернулся, продолжая смотреть в пустоту.

— Если бы отказ от бананов на всю жизнь мог вернуть мне радость, я бы согласился.

Брат пожал плечами.

— Мечтай. Если бы такое было возможно, я бы убил любого, кто осмелился бы произнести слово «банан» в моём присутствии.

— Очнулся — так вставай. Думаешь, у тётки с дядей есть время с тобой возиться? Подумаешь, переходный период. Перетерпишь.

Подросток уставился в потолок, его глаза были пусты.

— Если бы, стиснув зубы, можно было вернуть радость, я бы согласился.

Возможно, потому что он уже наплакался и накричался, и даже стал причиной травмы невинного ребёнка, а может, от полного отчаяния, подросток больше не буйствовал, а лишь повторял эти несколько фраз.

Вспыльчивый брат цыкнул.

— Кто бы сейчас встал передо мной и показал мне вот эти зубы, — он указал на свои, — я бы их ему одним ударом выбил.

— Вечно ты придумываешь всякую ерунду. Я в своё время так не ныл. Быстро вставай. И что это у тебя в ухе? Чёрт! Белая хризантема? Цюй Сяньяо, ты совсем с ума сошёл? Твой брат ещё

не умер, кому ты это надел? Хочешь, чтобы я тебя избил?

— Цветок? — подросток слегка повернул голову, взял из рук брата цветок и снова уставился в пустоту. — Цветок или не цветок, сейчас для меня это лишь форма. Красавец может стать скелетом, так что и это тело — лишь брэнная оболочка. Красавица — тоже лишь крашенный скелет, как та красавица класса, за которой я когда-то бегал. Мир — это одна большая пустота.

— Да что ты, чёрт возьми, несёшь?

— Брат. Папа, мама, я всё понял, — подросток, глядя на цветок в своей руке, продолжил: — Раньше мой разум был в тумане, я чувствовал лишь подавленность и уныние. А теперь, держа этот цветок, я ощущаю великую радость.

— Я думаю, это знак свыше. Как Будда, который достиг просветления, увидев цветок, так и я, очнувшись, увидел, как золотой мальчик при богине Гуаньинь протягивает мне руку.

— Возможно, это и есть мой путь.

Подросток, улыбнувшись, снова умиротворённо произнёс:

— Я хочу стать монахом.

Бум! — раздался глухой звук.

— Монахом? Может, тебе лучше похороны устроить? — двоюродный брат, схватив алюминиевый таз из-под кровати, со всей силы ударил его по голове.

<http://bllate.org/book/13654/1602203>